

Алексей
Забугаев

Дочки-матери

Она должна уйти

Простые истории

Алексей Загуляев

Дочки-матери

«Автор»

2025

Загуляев А. Н.

Дочки-матери / А. Н. Загуляев — «Автор», 2025 — (Простые истории)

В роддоме у Веры пропадает её новорождённая дочь. Поиски заходят в тупик. Отношения с мужем окончательно портятся, и им приходится развестись. Долгая депрессия и переживания о бесследно пропавшей дочке заставляют Веру совершить безумный поступок, из-за чего она оказывается в психиатрической клинике. После выписки она с трудом находит работу фельдшера в скорой помощи. Но один из вызовов приводит к тому, что вся её жизнь снова переворачивается с ног на голову, и ей заново приходится пережить трагедию с исчезнувшей шесть лет назад дочерью.

Алексей Загуляев

Дочки-матери

Старый, проржавевший почти насквозь «рафик» медленно болтался на утопающей в грязи разбитой дороге, ведущей в Красные Петухи. Трудно было представить, каким образом автомобиль семьдесят шестого года выпуска смог дожить до двадцать первого века, учитывая то обстоятельство, что трудиться ему сорок пять лет приходилось в экстремальных условиях. Вместе с «рафиком» болталось и всё его содержимое: всегда готовая к работе капельница на штативе, кислородный баллон, чемоданчик с дефибриллятором и Вера – женщина лет тридцати, с красивым бледным лицом и болезненной полнотой от частых ночных походов к холодильнику и от отсутствия перспектив в жизни.

В отделение скорой помощи её взяли четыре года назад. Работа, на которой редкий фельдшер задерживался больше двух лет, а если и задерживался, то только и мечтал побыстрее слиться на пенсию и начать писать под пиво стихи, при этом тихо ненавидя всё человечество. Тем более в этот последний год, когда растеклась по всему миру океаном никому не понятная зараза под названием ковид. А ведь могли бы даже и в скорую её не позвать, с её-то багажом. Это ей ещё повезло. И потому Вера лишь вздыхала громко и глубоко, уставившись немигающими глазами в запотевшее окошко автомобиля. За окном ползли, тоже качаясь вверх-вниз, меланхоличные, подёрнутые муаром пейзажи: голые тополя, усыпанные каркающими воронами, приземистые дома, чёрные от непрекращающихся уже неделю дождей, да облезлые собаки, одиноко бредущие по обочине неизвестно куда и зачем.

Вызов к диспетчеру поступил два часа назад. Если бы не такая дорога и если бы их колымага завелась с первого раза, то они доехали бы до Петухов куда быстрее. Но немногие оставшиеся в живых жители деревни сами прекрасно понимали, что скорую придётся ждать долго, и поэтому не возмущались особо, даже если спасать по прибытию было уже некого.

– Господи, – процедил сквозь зубы водитель Костя. – Как же задолбало меня всё это. Когда, наконец, сделают здесь нормальную дорогу?

Вопрос был, само собой, риторическим.

Вера безучастно на него посмотрела и не нашлась, что ответить.

– Покойник уже, наверно, – снова пробурчал Константин. – Царство ему небесное. Ладно хоть к деревенским. А то городские измотали бы последние нервы.

– Да тебе-то чего? – включилась всё-таки в диалог Вера. – Не ты же с ними общаешься.

– Зато с тобой потом общаться приходится, – полушутя возразил мужчина.

– Да я спокойная как удав. Напраслину не гони.

– Спокойная-то спокойная. Но знаешь, и пружина сжатая тоже на первый взгляд спокойной кажется.

– Да и вообще, – не обращая внимания на намёки напарника, продолжила Вера, – чего ты человека раньше времени хоронишь? Устроил тут панихиду. Может, и обойдётся. Ты всё минусы кругом ищешь. А ты пошукай плюсы.

– Да какие ж там плюсы, Вера? Последнюю тачку в гараже раздолбает – и чего делать будем?

– Обещали газельку новую.

– Ага. Раскрывай карман шире. Масками толком обеспечить не могут. А тебе газельку. Я, Вера, ума не приложу, что без машины мы делать будем.

– Сидеть на попе ровно, Костя. За оклад. А то, что едем так долго, вина не наша. А смена пролетит – не заметишь. Ну не плюс разве? Как там у вас в армии говорили? Солдат, чего-то там, типа фигнёй страдает...

– Солдат спит – служба идёт, – улыбнувшись, сказал Костик.

– Вот-вот. Чем тебе не плюс?

– Под машину, Вера, не ты ляжешь. Хоть за оклад, хоть не за оклад. Руки у меня уже как у гоблина. Жена фырчит, когда я её ночью приласкать пытаюсь. Мне теперь что фильтр масляный, что её... ну, сама знаешь. На ощупь всё стало едино. Тьфу ты! Да чтоб её!

– Жену-то?

– Да дорогу эту. Всё. Приехали кажись. Дом номер... Восемь что ли? Не пойму. По логике вещей восьмой должен быть.

Вера одела очки:

– Восемь. Я пошла. Ты развернись тут пока.

– Эти мать, – выругался водитель. – Не застрять бы на всю ночь. Мотор глушить не буду, а то, не дай бог, не заведёмся. Ты уж там побыстрее постарайся.

– Постараюсь, – пообещала ему Вера.

Переобувшись в красные резиновые сапожки и закрыв лицо марлевой маской, Вера выбралась из машины. Калитка у дома была открыта. Возле крыльца паслись две мокрые курицы, выискивая в лужах непонятно чего.

– А вы чего тут, дурочки, мокнете? В курятник что ли петух не пускает? – обратилась к курицам Вера.

Те не одарили её никаким вниманием. Сложив зонтик, женщина забралась на крыльцо и постучалась. На стук никто не ответил. Она толкнула дверь – та, кряхтя, чуть приоткрылась. Вера вошла в тёмные сени с единственным треснувшим и заросшим паутиной оконцем под потолком и вытерла ноги о распластанную на полу тряпку. Поправив белую шапочку на голове и выдохнув, открыла дверь в избу.

– Скорая, – громко сказала. – Вызывали?

Впрочем, и без этого было ясно, что пришла она точно по адресу. На полу, между печкой и обеденным столом, заваленным мисками и грязными тарелками, лежало тело мужчины одной половиной лица вниз. Левая рука его продолжала держать подломленный костыль. Другой костыль отлетел к стене, когда, судя по всему, мужчина упал. Штанов на мужчине не имелось, при этом другая половина тела была одета в полосатую майку без рукавов.

Вера наклонилась и пощупала пульс на шее. Признаков жизни не обнаружила, хотя грузное тело всё ещё оставалось тёплым. Сквозь седую плотную щетину на щеках и на подбородке пробивалась тёмная синева, что процентов на восемьдесят было свидетельством того, что бедолагу свалил обширный инфаркт. Цианоз.

Из другой комнаты слышались шаги. Оттуда вышел парень лет двадцати пяти, растерянный, со стареньким мобильником в дрожащей руке.

– Здрасьте, – сказал он. – Поздно уже, наверно. Не пойму вот, живой он или уже нет.

– Уже нет, – спокойно произнесла Вера. – Это вы вызывали?

– Я. Но часа два уж назад. Чего же теперь делать-то?

– А вы кем ему будете?

– Да я брат двоюродный. Раз в неделю продукты ему приносил. Сам он до магазина уже не мог дойти. А сегодня звоню – не отвечает. Поехал проверить не случилось ли чего. И вот, таким его и застал. Только кошка ещё была.

– Какая кошка?

– Рыжая. Его кошка. На нём сидела. Видно, тоже не понимала, что происходит. Я ведь даже телефонов родственников его не знаю. И у него в контактах один я только был да соседка ещё. Чего же делать-то мне?

– В морг звоните. Приедут заберут. Потом за заключением в поликлинику по его месту прописки.

– А вы разве сами не отвезёте?

– Да мы как-то не по этой части, – удивилась на его просьбу Вера.

– А может, мне полицию надо вызвать?

– Это уж как хотите. Только зачем?

– Знаете... Когда я пришёл, дверь-то была незаперта. Мало ли. Обычно он всегда запирался. А тут такое. А вы уверены, что он мёртв?

– Уверена, – сказала Вера, хотя на всякий случай ещё раз попыталась нащупать пульс. – Нитроглицерин ему уже давать поздно. Ладно, молодой человек, пойду я.

– Ага, – продолжая растерянно озираться по сторонам, сказал парень.

Вера почти выбежала во двор. За эти четыре года она должна была бы привыкнуть к таким картинам, но до сих пор не привыкла. Растерянность близких, свою собственную бесполезность при большинстве подобных вызовов, слёзы и причитания, – всё это чувствовала и видела Вера десятки раз. Даже на бабушек, бесконечно занимающих дежурную линию при каждом скачке давления, она давно перестала злиться. Лучше уж иметь дело с ними. Там хотя бы всё кончается хэппи эндом. До отведённого Богом часа икс, конечно. Но всё же.

Вообще, Вера и не думала никогда оказаться в скорой. Работала она до этого акушеркой в областном роддоме, главврачом которого был её муж, Гаврил Максимович Лапин. И всё шло прекрасно, пока сама она не забеременела и не легла в своё собственное отделение под приглядом супруга. Шесть лет назад это было. А казалось, что прошла целая вечность. Отношения с мужем тогда трещали по швам, и Вера надеялась, что рождение ребёнка как-то сможет вернуть всё в прежнее русло. Она видела, что супруг тоже радовался её беременности, стал даже уделять ей больше внимания, переполнился нежной заботой и влажным блеском в глазах. Подозрения Веры в том, что тот завёл любовницу, сами собой как-то рассосались. Родилась у них девочка, которую решили назвать Настей. Но уже через пару дней, пока Вера ещё оставалась под наблюдением в палате, их новорождённая дочь пропала. Исчезла на ровном месте, да так, что никто ничего не мог объяснить. На мужа её, главврача, завели уголовное дело по статье о халатности. Отношения их, само собой, вернулись не просто в прежнее состояние, но превратились во что-то близкое к ненависти друг к другу. Дело это вскоре замяли, поскольку главврач и сам был во всей этой истории жертвой. А потом трагически погибли родители Гаврила – угорели в своём доме. Жизнь превратилась в кошмар.

Пребывая в глубочайшей депрессии, Вера даже не осознала толком, что они с мужем развелись и она осталась в своей квартире одна. Даже кошка, которую она перестала кормить, от неё сбежала. Супруг уволился с работы и исчез в неизвестном направлении, за весь следующий год даже ни разу не позвонив. Вера еле-еле справлялась с работой, блуждая по палатам как тень. Её никто ни в чём не попрекал, стараясь держаться на расстоянии, словно она была заразная. Да собственно, и попрекнуть её, по большому счёту, было не в чем. Роды она принимала, как и раньше, умело. Роженицы были ею довольны. Никто и близко не подозревал, насколько это для Веры было тяжело – в каждом из младенцев она видела свою дочь, подолгу сюсюкала с ними, держала на руках и с внутренним сопротивлением отдавала настоящим их матерям, чтобы те могли их покормить. Сначала она надеялась, что кто-нибудь из молоденьких и врасплох застигнутых неожиданной беременностью откажется от ребёнка, как это часто случалось раньше. Она бы тогда с радостью удочерила кого-нибудь. Но, как на зло, за целый год не поступило ни одной перепуганной малолетки. А желание Веры делалось всё сильнее. И в один из грустных осенних вечеров её задержали на выходе из роддома с чужим малышом в сумке. Совсем утратив чувство реальности, она долго ещё твердила, что это её дочь и что обвинения по отношению к ней несправедливы. Пока не осознала в итоге, что находится в психушке. За сборкой картонных коробочек и за просмотром бесконечных сериалов она провела в клинике целых четыре месяца. Но дела, к счастью, пошли на поправку. Её выписали и обязали раз в месяц посещать психиатра. Расследование о её пропавшей малышке тоже приостановили за неимением никаких зацепок. Бывший муж так ни разу и не объявился. Вера решила, что он остался жить в доме покойных родителей, и не пыталась его найти. Только иногда навещала

могилку его предков, с которыми когда-то хорошо ладила, и всякий раз замечала, что никто, кроме неё, за могилой не ухаживает.

Когда Вера окончательно встала на ноги, то попыталась вернуться на прежнее место работы. Но новый главврач аккуратно так объяснил ей, что с такой кармой ей теперь не позволят приближаться к новорождённым и на пушечный выстрел. И только по великому благу, и то не без перипетий, нашли ей местечко в скорой, чему, в конце концов, она и была рада.

– И чего там? – прервал её грустные мысли Костик, открыв дверь машины.

– Покойник, – забираясь в кабину, ответила она. – Прав ты был. Царство ему небесное.

– Бензина только-только на обратку осталось, – заметил напарник. – Успеть бы до бензоправки.

– Вызов, Вера. Переулок Орлова. – Вера пила чай, когда услышала это от дежурной.

– Это где? – спросила она. – Что-то не припомню такого.

– Костик знать должен, – уточнила диспетчер. – Он, кажется, уже там бывал. Хостел это какой-то. Мужчине плохо. Спутанная речь, рука дёргается. Похоже на инсульт.

– Хорошо, – сказала Вера и направилась в гараж, про себя заметив, что ничего хорошего нет.

И почему вместо «я поняла» принято говорить «хорошо» или «ладно»? Загадочная русская душа – всё-то у нас всегда идёт по плану. Если бы знала она английский, то, наверно, пересмотрела бы свою неожиданную теорию. Но в школе и в институте она учила немецкий, из которого помнила только «айн, цвай, драй».

Костю Вера нашла в гараже в радостном расположении духа. Широчайшая улыбка озаряла его лицо. Он показал ей рукой на машину. Боже ты мой! Новую «газель» всё-таки дали! Ну, теперь им хоть в Петухи, хоть ещё жиже, – везде успеют.

– Уже обновил?

– Только тут на пяточке успел покататься. А у тебя вызов?

– Да.

– Тогда погнались. Вместе и обновим. Куда?

– В какой-то хостел в переулке Орлова.

– Ох, ё-моё, – присвистнул Костик. – Везёт же тебе в последнее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.